

Домашние беседы в стихах

Родион Константинович был неординарным, ярким, тонко чувствующим человеком. Отсюда его редкий талант драматурга; умение слышать, предугадывать непроизносимое, тайное. Вся его жизнь — титанический труд к алтарю Мельпомены; любовь и уважение к читателю — умение подавать сценарии так (в сборниках, альманахах, книгах), чтобы читатель не путался в драматургической форме: Он (сказал). Она (сказала).

А это — труд. Титанический труд, который, хочется надеяться, будет по достоинству оценен и востребован.

В его биографии упоминается и о поэтическом даре писателя. Он не относился к этому жанру всерьез: кто в порыве чувств, эмоций, не пишет в юности стихи?

Творческий человек талантлив во многих своих проявлениях...

Часто мы импровизировали. Эти маленькие "домашние беседы в стихах" Рудик доверял бумаге (и только). Он часто называл меня насмешливо "Луной", "которой посвящена одна из лучших пьес и стихи"... Но все мои попытки и уговоры "хоть одним глазком" взглянуть на стихотворения ни к чему не приводили. Мне думалось, что, может быть, оттого, что лицо мое слишком кругло, обо мне пишется что-то смешное, юмористическое.

...Но душа поэта воплощала свое видение таинственного женского начала, своей анимы — частицы себя.

Однажды он сказал с некоторой манерностью, присущей героям ушедших веков: "Вы их найдете и прочтете, несравненная моя, когда уйду в подлунный мир..."

Они нашлись. Они смягчили боль утраты голосом, который слышится мне и в стихах, и в прозе жизни:

...Когда беда ведет свою беду
В пространстве совершенном
рядом с морем,
Избави Бог среди других в ряду
Тебя увидеть, омраченной горем...

Эти строки стали ростками новых поэтических строчек, утверждающих бессмертие и мощь энергетического потенциала творческой личности.

* * *

Куда бежать,
 где врач больных любовью?
Высоки небеса
 ее дела вершат,
Иль ад великий начал свою ловлю,
Послав на пробу ловких бесенят?

Любовь ко мне приткнулась.
По дорогам
 из века в век скиталась она,
Как нечто, предугаданное Богом,
Иль то, что так прошляпил сатана.

А может, небеса и слуги ада
Скрестили все возможности свои
В сраженье из-за редкостного клада, —
В прах превращая все — из-за любви?

Когда полюбишь, значит, может статься,
Тебе в бою придется оказаться.
Скорей тогда судьбу свою проси:
О, чашу эту ты скорей ко мне носи.

* * *

Как я Луну люблю —
 я ей завидую.

Вот хоть бы кто-то
 в полпроцента
От той любви
 меня любил...

Тогда б я знал, как лунную плаценту
Скорей оставить
 взмахом гордых крыл.

Ворваться в мир,
не потеряв акцента,
Поняв: откуда свет и где в нем тьма, —
Всю мощь его органного концерта...
Но только вот не верю я процентам,
Что не от лун растут, а от ума.

Ум врет, играет и подводит счеты;
Льстит и баюкает, мысль принуждая спать;
Ему противны все мои полеты.
Бывает он компьютеру подстать.

Ум и Луна — две тайны, два свеченья
Два зеркала в моем земном пути, —
(Покуда мне дано еще идти) —
Простят поспешной суеты нравоученья, —
Так редки к истине мои прикосновенья.

К Луне

Они подобны иве ночью темной.
Отсвечивают. Солнечно грустят.
Магнитят взоры позолотой скромной.
Уложены. И нимбом не летят.

Пушисты, чуть волнисты.
Вот и солнце,
Причесывая в небе ореол,
Завидует
И завтра же проснется,
Его покрасив в твой неброский тон.

Роден лишь знает, как они взлетают.
Хочу и я, хоть проба нелегка,
Перебирать перстами ветерка
Те пряди, на которых звезды тают.

Схожу с ума. От холода сгораю.
Я запаха твоих волос не знаю.

* * *

Ты думаешь, что это лишь стихи?
Не кровь? Спасибо за вниманье.
Дела мои, как видимо, плохи.
Мой приговор — сто лет очарованья.

Конечно же, нет сил тебя терпеть.
Уйди, покинь, отстань, дай ясность.
И отодвинь лукавую прекрасность.
Не мучай, не томи и дай сгореть.

Костер Луны так мертво-жесток.
Ее огонь так холодно-учтивен,
И увлечение ее — Кинг Стивен —
Быть может, нашей повести пролог.

Где выход?
Видимо, он в том,
Чтобы не думать и молчать о нем.

* * *

С Луной нас под венец
Ведет Оксана...
Сей миг со мной Творец.
Аминь, осанна!

Вот белая — Луна
Меня тревожит взглядом.
Уже со мной она,
Я с нею рядом.

Озвучивает ночь
Светила бубен —
Он серебро — точь-в-точь.
Мир лун безумен.

Под лунной лавой Рим,
Парнас кипит ручьями.

Луна прижалась к ним
Округлыми плечами.

Под волчий тонкий вой
Она летит монетой,
То упадет орлом,
То решкой канет где-то.

Гарсон, ты принеси
Луну в тарелке Феба.
Я съем ее в обед
С французским хлебом...

Она мой нежный свет —
Совсем ребенок,
Хоть ей немало лет,
Но профиль тонок.

А я смотрю анфас —
Светлы — и только
Ее раскосых глаз
Две лунных дольки.

* * *

В зрачках погашенных зной гнева и порфиры,
Две темноты, отброшенные вспять.
Как будто слуги ада — конвоиры
Ведут кого-то, чтоб скорей распять.

А вот янтарь в глазах,
 как хищность рыси —
Две оторопи,
 два псалма горят,
Как будто оскорбили горни выси,
И оскорбивший — непременно я.

Но вот уж не глаза, а две улыбки,
Два поцелуя смотрят на меня,

Плывут мне в душу, точно говоря,
Что любят, что простят мне и ошибки.

Всегда мне по душе глаза твои,
Когда растеряны и счастливы они.

* * *

Твое лицо — весенний небосклон.
Явление свечи за изумрудом.
Свет нежности. Вот потому и трудно
Сдержать желанье видеть этот сон.

То приближается, а то уходит ввысь
Твое лицо с улыбкой сострадания.
Оно заведомо до грустных сроков крайних
Прощает неудавшуюся жизнь.

Когда беда ведет свою беду,
В пространстве совершенном
рядом с морем,
Избави Бог среди других в ряду
Тебя увидеть, омраченной горем.

Лишь светлый ореол меня спасет
От адских врат и Леты мутных вод.

* * *

Луна моя, любимая Луна!
Когда уйду я тенью в мир подлунный,
Ты мне своею лирой лучеструнной
Отпустишь прегрешения сполна.

Ты — зеркало, о нежная Луна, —
Страстей моих, падений — отраженье,
Любви последней жгучее круженье,
И радость, что с тобой сопряжена;

Мой вечер; ночь; последняя печаль;
Опора моего земного дома;

Мир тайны; светлая истома,
Ты будешь петь, когда уйду я вдаль.

Эрато не соперница тебе.
Луну боготворит и Мельпомена...
Века ко мне — мила и современна —
Навстречу шла, покорная судьбе.

Нас разлучить уже не может рок.
Мы друг для друга — древняя стихия.
Пока живу — все пьесы и стихи я,
Как море — вал — кладу у Лунных ног.

Марина ЛАЗАРЕВА

* * *

В самые длинные ночи,
Короткие, серые дни
Стало дыханье короче.
Тусклыми стали огни.

Затрепетало сознание
Ветром в полях пустоты.
С тайною сферой всезнания
Соприкасаешься ты.

Соприкасаются руки,
Чтобы проститься навек.
Терпит предсмертные муки
Близкий родной человек.

* * *

Зима как будто бы ждала,
Что ты от нас уйдешь навеки.
Кружился в хлопьях первый снег,
В беспмятстве дрожали веки.

Наутро снег истаял в грязь;
Под вечер воздух стал морозным.
Надежда теплилась, молясь
Судьбы твоей высоким звездам.

И напряженно тишина
Царапала когтями сушу.
Еще свеча не сожжена:
Заветов тайных не нарушу.

Но море, скал прибрежных страж,
Вдруг поглотило область суши...
А может, это был мираж, —
Любовью вечны наши души?

И та мечта, где ты и я, —
Твоим быть может продолженьем?
Незримым лайнера скольженьем
За окомоем бытия.

* * *

Вот и ты прилег отдохнуть,
Как туманы над берегами.
Километрами и снегами
Твой теперь не измерю путь.

И ушли, и забыли все:
Краток срок преходящей славы.
Лишь деревья во всей красе —
В смертном инее мерзнут травы.

Лишь топчу, топчу и топчу
Я кладбищенскую дорожку,
И живу пока понарошку,
Уподабливаясь лучу.

Проникаю в твои дела,
Перекладываю бумаги...

Где мне, Господи, взять отваги,
Чтобы в слове душа жила?

* * *

Меня увидеть омраченной горем
Душе твоей летящей
с высоты, —
Парящей над Фонтаном и над морем,
Забывшей про недавние мечты

Не даст Всевышний. Даст Он мне смиренность;
Когда беда ведет свою беду —
Быть сильной и среди других в ряду —
Терпеть,
В страницы
превращая откровенье.

Лицо мое с улыбкой сострадания —
В декабрь твой — весенний небосклон...
Не потревожу твой прощальный сон
Штормами приземленного страдания.

Молитвы ореол тебя спасет
От адских врат и Леты мутных вод.

* * *

Ты ко мне все идешь и идешь.
Ты теперь этот ласковый дождь.
Эта память... И ветер весенний,
И любви твоей творческий гений

Обнимают у звезд на виду
Мою жизнь и судьбу, и дорогу.
Речь твоя, обращенная к Богу,
Растворяет любую беду.

Я к тебе все бегу и бегу,
Параллель —

В параллельном пространстве.
Кто меня обвинит в постоянстве,
В том, что ум пребывает в бреду?

Диалог с Лобачевским веду:
Две прямые и есть жизни чьи-то?
Все в них мелкое ливнями смыто.
Драгоценное — закреплено —
Мастерством — золотое руно.

